Е. Ю. Коржова

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рассматривается значение художественной литературы для психологии личности. Представлена авторская типология личности персонажей мировой художественной литературы по основанию направленности личности. Рассмотрены особенности психологии личности в творчестве А. П. Чехова и Н. В. Гоголя с учетом концептуального подхода писателей.

Ключевые слова: личность, художественная литература, литературный персонаж, направленность, жизненные ориентации, субъект, жизненная позиция, психологические типы, личностный принцип творчества.

E. Korjova

THE PSYCHOLOGY OF PERSONALITY IN BELLES-LETTRES

The relevance of belles-lettres for the psychology of personality is regarded. A personality typology of literary characters is suggested. The features of the personality psychology in A. P. Chekhov's and N. V. Gogol's prose are analyzed.

Keywords: personality, belles-lettres, literary character, life orientations, subject, life position, psychological types, personality principle of creative power.

Личность является центром внутреннего мира и главным регулятором взаимоотношений с внешним миром. Это главная сущностная характеристика человека, «инструмент» его связи с миром. Интеграция всех психологических образований в личности выражается в свойствах человека как субъекта жизненного пути, реализующего на его протяжении свою внутреннюю активность в соответствии с его духовно-нравственными качествами [7]. Художественное творчество — это один из видов человеческого творчества вообще как сотворения самого себя при особом, целостном отношении к миру; при этом в эмпирическом Я проявляется Высшее Я (творческое, истинное, вечное) [13]. Спецификой художественной литературы являются целостность видения жизненного пути, глубина внимания к жизненным ситуациям и к поведению. Именно эти проблемы слабо раскрыты в «научной» психологии личности.

Традиционно личность описывается через различные подходы к ее познанию. Онтологический же аспект психологии личности, характеризующий многочисленные варианты реального бытия личности, пока мало изучен. Между тем, представляется продуктивным использовать в качестве материала психологического исследования бытия личности художественные тексты. Во всемирно известных литературных образах личность благодаря художественно-образной реконструкции раскрывается в процессе ее жизненного пути объемно и целостно, во всей своей противоречивости и полноте благодаря интуитивному прозрению истинного художника. В художественной литературе разнообразие жизнеописаний личности представляет внутренние миры различной сложности и жизненные пути, в разной мере приближающие человека к своему предназначению. В частности, Е. А. Климов [6], считая, что психологическая информация порождается не только психологами, но и писателями, очень высоко оценивает наследие Н. В. Гоголя с этой точки зрения. Вопрос о достоверности такого способа познания личности в определенной мере является дискуссионным, но неизменно вызывает интерес. Проблема «перевода» с языка художественных произведений при этом остается центральной.

Большое внимание этому вопросу уделял известный специалист в области психологии личности G. Allport, неизменно отдававший предпочтение исследованию уникального внутреннего мира в отличие от безликого усредненного подхода к суждению о человеке [17]. «Возможна ли поэтическая антропология?» — задает закономерный вопрос В. П. Зинченко [4], оставляя его в качестве названия своей книги. В пользу положительного ответа на первый вопрос свидетельствуют устойчивые традиции психоаналитического толкования научного творчества. Многие психоаналитики стремились дать свое понимание описанных в литературных произведениях выдающихся мастеров внутреннего мира их героев, с одной стороны, и поступков, с другой. При этом анализируются прежде всего проявления бессознательного в человеческой жизни, их закономерности, в соответствии с известной психоаналитической моделью психологической организации человека. Акцент ставится на выявлении защитных механизмов бессознательного, придающих своеобразие как внутренней, так и внешней жизненной канве. Таким образом, можно проследить общий принцип психоаналитического объяснения душевных движений и поступков героев. За основу берется определенная теоретическая модель (в данном случае психоаналитическая), которая накладывается на, естественно, неповторимую художественную ткань. А затем фиксируются «совпадения» тео-

ретической модели и модели автора. Однако психоаналитическая модель психологической организации человека не является единственно возможной, хотя она и наиболее распространена в психологическом изучении литературных персонажей. Более того, психоаналитическая модель, несмотря на подробную разработанность, остается всего лишь интересной гипотезой относительно человека и его познания. С нашей точки зрения, эта модель описывает лишь один из вариантов — типов личности, а именно — «объектную» личность, всецело зависимую от биологических побуждений.

Сегодня психологи часто используют примеры из художественной литературы как иллюстрации к полученным с помощью научного анализа закономерностям, что позволяет придать объемность и жизненную достоверность хоть и правильным, но «сухим» научным фактам.

Рассматривая роль наблюдения в эмпирическом прогнозе, Л. А. Регуш [14] справедливо отмечает, что прогностическим потенциалом обладает не простая совокупность множества фактов, а их осмысление и обобщение, гениальные примеры которых существуют в типах литературных персонажей. С одной стороны, они являются результатом систематизированных наблюдений, с другой — в свою очередь, основанием для прогнозирования. Половина книги К. Леонгарда [12] «Акцентуированные личности» состоит из описания литературных персонажей, отнесенных к тому или иному типу акцентуации. Б. М. Теплов [15] в 1946–1947 гг. при чтении Пушкина рассматривал проблемы психологии зависти как варианта формирования «узкой направленности» личности («Моцарт и Сальери»), развития личности Татьяны Лариной как роста сознательной саморегуляции («Евгений Онегин»). Ф. Е. Василюк [2] исследовал переживания Раскольникова, полагая вполне правомерным такой подход со стороны психолога в силу психологической проницательности Ф. М. Достоевского.

Реже проводится психологическое изучение личности писателя или цикла его произведений. Наконец, возможно выведение общепсихологических закономерностей в результате анализа многих литературных образов. Это, пожалуй, наиболее сложная задача, так как проблема перевода с языка художественной литературы на язык науки пока еще не решена. Успешно справился с ней В. М. Аллахвердов [1], использовавший искусство как объект исследования в своем эссе для доказательства идеи парадоксальности сознания, развивая идею Л. С. Выготского [3] о принципиальной противоречивости художественного текста.

В целом проблема психологии личности в художественной литературе — это проблема литературного персонажа (вымышленной личности), с одной стороны, и автора, с другой. В наших исследованиях мы стремились решить обе проблемы. В первом случае исходной стала личность литературного персонажа независимо от творческой манеры писателя и его личности, а во втором именно последнее становилось отправной точкой анализа.

Типология личности литературных персонажей

Исследование личности литературных персонажей осуществлено посредством выделения 11 типов и 30 подтипов личности в соответствии с жизненными ориентациями на материале мировой художественной литературы [8]. Данная типология основывалась на разработанной нами ранее концепции человека как субъекта жизнедеятельности [9] и на понимании личности как субъекта жизненного пути, обладающего духовно-нравственными качествами [7]. Мы исходи-

ли из того, что многообразие личностей (точнее, эмпирических проявлений личности) объясняется значимостью для людей различных сторон бытия. Это выражается в понятии направленности, которая выступает стержневым образованием личности. В зависимости от содержания направленности различаются так называемые модели личности, раскрывающиеся в многообразии личностных концепций и представлений о личности, а также в многообразии реального бытия личности. В зависимости от соотношения «жизненного творчества» (преобразующей активности) и «жизненной ответственности» (сознания личной сопричастности) определяются основные модели личности: потребитель (жизненное приспособление и низкая ответственность), пользователь (жизненное приспособление и высокая ответственность), гармонизатор (жизненное творчество и низкая ответственность), преобразователь (жизненное творчество и высокая ответственность).

При отсутствии доминирующих тенденций в субъектной активности особую роль в жизненном самоопределении играют духовно-нравст-венные качества: выделяются полярные типы ситуативно-целостной и внутренне-целостной личности. Ситуативно-целост-ная личность проявляет те или иные ориентационные тенденции в зависимости от жизненных обстоятельств. У внутренне-целостной личности наличие внутреннего стержня — выраженных духовно-нравственных качеств — придает поступкам единую, в соответствии с убеждениями, линию, не зависящую от текущей ситуации. Сравнительный анализ моделей позволяет увидеть преимущества зрелой личности, ее гармоничность, целостность при условии развития духовно-нравственных качеств.

Данные модели и явились основой развернутой типологии личности, характеризующей жизненные пути разной сложности и трудности, в разной мере приближающие человека к своему предназначению. Одного — заботит лишь не насыщаемое потребление «жизненных удовольствий». Другой — просто впитывает жизненные впечатления, довольствуясь малым. Третий — гоняется за яркими переживаниями. Четвертому — не дает покоя жажда самовыражения. Пятый — занят сколачиванием капитала, отказывая себе во всем и используя для обогащения каждую минуту жизни. Шестой — предается безудержным мечтам. Седьмой — бесконечно совершенствуется в бессознательном приобщении к мистическому опыту без веры и усилий. Восьмой — так погружен в размышления, что в своем глобальном разочаровании жизнью не способен на мало-мальские действия. Девятый — деловито трудится, с трудом представляя, почему. Десятый — растворяется в благородных порывах спасения человечества. И только одиннадцатый — спасает собственную душу в неустанном духовном труде, освещая путь другим.

В рамках каждого типа возможно довольно благополучное существование при, тем не менее, имеющихся, хотя и не всегда явных, проблемах и противоречиях. Они становятся более заметными при усилении выраженности направленности и наглядно демонстрируют, какие опасности подстерегают человека на каждом пути и в какую типичную «ловушку» жизни можно попасть. Так, пушкинская Татьяна находит в себе мужество совершить достойный поступок, хотя и чувствует себя несчастной. Вертер уже не способен совладать с силой любовной страсти и кончает жизнь самоубийством. Катерина Островского не может удержаться и совершает то, с чем справилась Татьяна, после чего в отчаянии от сделанного повторяет путь Вертера. Исключение составляет внутренне-целостная

личность духовного человека. В личности такого типа, напротив, при усилении выраженности направленности становится более глубоким осмысление жизни и растет духовная зрелость. Так, если «странник по жизни» лишь смутно ощущает потребность духовного поиска, то «мудрец», находящийся на вершине духовной зрелости, всю жизнь сознательно духовно трудится.

Каждое из описаний опирается на общую схему, соответствующую нашему представлению о сущности личности как субъекта своей жизни, по-разному проявляющего в ней активность в соответствии с направленностью, обладающего нравственно-духовными характеристиками. Наиболее емко направленность личности характеризует ее жизненная позиция. В связи с этим параметры описания личности литературного персонажа делятся на две группы:

I. *Характеристики жизненной позиции* — обобщенной ценностной характеристики жизнеосуществления, которая включает в себя ответственность, творчество и нравственный выбор.

1. Реальные проявления жизненной позиции: а) отношение к жизни — осознанная избирательная связь личности с жизненными явлениями; б) поступки — самоосуществление, реализация личностью своего внутреннего мира вовне на основе жизненной позиции.

2. «Поле жизнедеятельности» — взаимосвязь отношения к жизни и поступков, целостно определяющая реальное бытие личности.

3. Дифференциальный диагноз жизненных ориентаций и жизненной позиции: тип жизненных ориентаций, особенности жизненного творчества и локуса контроля, специфика жизненной позиции.

4. Жизненная ситуация, в которой проявляется жизненная позиция.

5. Нравственные характеристики. Нравственный выбор — самоопределение личности при преодолении границ внутреннего мира в неизбежном выборе добра или зла. Может рассматриваться как регулятор жизненной позиции, своеобразный «ограничитель» жизненного творчества — преобразующей жизненной активности — и «расширитель» ответственности — сознания личной сопричастности к происходящему в жизни.

II. *Характеристики собственно личности* как инструмента взаимосвязи внутреннего и внешнего мира человека.

1. Направленность (жизненная задача): ведущая жизненная ценность — цель реализации жизненного предназначения. Отражает общее понимание смысла жизни.

2. Организация внутреннего мира: источник и принцип организации внутреннего мира — всей внутренней активности, всех психологических образований.

3. Способ взаимосвязи внутреннего и внешнего мира как способ достижения единства с миром или противостояния ему.

4. Реализация внутреннего мира вовне (во внешнем мире): путь, механизм, препятствия.

5. Развитие личности — история индивидуального бытия на протяжении всей жизни.

6. Проявления нормы и патологии личности как ее уровня зрелости.

7. Познание личности в соответствии с пониманием автора наиболее информативных ее характеристик.

8. Оказание помощи личности — привычный способ самопомощи, а также помощь, в которой личность объективно нуждается.

Среди носителей определенных смыслов художественного текста известный литературовед Е. Фарино рассматривает в том числе и персонажей. «Говоря “персонаж”, мы и будем иметь в виду все три аспекта: 1) человека или антропоморфное существо в мире произведения;

2) его нетождество реальному внетекстовому лицу, т. е. отсутствие или безразличие его референтности, даже если у него имеется реальный двойник, как, например, у пушкинского Пугачева или толстовского Наполеона; 3) его смоделированность и его моделирующую функцию» [16, с. 106]. Е. Фарино не рассматривает психологические «уровни» персонажей, полагая, что для этого необходим более широкий культурно-исторический и собственно художественный контекст. Именно эти «уровни» и представляют для нас наибольший интерес, так как позволяют подойти к личностной проблематике.

Характеристика личности и ее жизненного пути через образы художественной литературы дополняет проведенный ранее анализ теоретических моделей личности в психологических концепциях и позволяет органично сочетать гносеологическое описание личности с онтологическим. При этом за скобки выносится своеобразие творческой манеры писателя. В связи с этим дальнейшие наши исследования были посвящены реконструкции на материале художественного творчества авторских концепций личности.

Личность в творчестве А. П. Чехова

Интерес к творчеству и жизни А. П. Чехова неизменно высок. В науке о Чехове писали в основном литературоведы, очень редко — философы, и лишь в отдельных случаях — психологи. Это достойно удивления, поскольку давно отмечен глубокий психологизм его творчества, особенная, строгая точность в многочисленных характеристиках внутреннего мира, внимание к малейшим душевным движениям и их проявлениям.

В пятистах рассказах, повестях и пьесах Чехова, написанных им за двадцать пять лет напряженного творчества, действуют почти восемь тысяч персонажей. Чехов — один из наиболее «населенных» писателей мировой литературы (для сравнения: в «Человеческой комедии» Бальзака около трех тысяч персонажей). Чеховым удивительно точно и глубоко передано мироощущение русского человека, его потребность в осмыслении жизни, в поиске своего предназначения. В литературном наследии Чехова вечный вопрос бытия — как и зачем жить — проявился со всей силой литературного и человеческого таланта, интуитивного прозрения и бесконечного сострадания, любви к человеку. Изумительная правдивость Чехова-художника, его огромный творческий талант в полной мере соотносятся с его личностным талантом, с обостренной нравственностью, с живым интересом и исключительным вниманием к людям при суровом отношении к себе, непрерывном личностном, духовном росте.

Личностный принцип его творчества определен нами в качестве центрального (изображение человека как субъекта своей жизни посредством описания различных способов видения мира и их ограниченности, а также духовно-нравственного уровня и поисков смысла жизни). Важная особенность творчества Чехова — художественное воплощение разных углов зрения на мир, каждому из которых свойственна неполнота осмысления бытия. Но Чехов не ограничивается этим. Он стремится открыть всю правду о человеке, который может быть и отвратительным, и прекрасным. Фактически все творчество Чехова — напряженный поиск ускользающей красоты человека. Отрицая «углы», он утверждает возможность целостности человека, достижения духовной высоты в присущей ему сдержанной ненавязчивой манере. Одна из самых больших загадок Чехова относится к его мировоззрению. Позитивные образы Чехова свидетельствуют о его идеа-

лах и позволяют уверенно говорить об органичной связи творчества с русской религиозной духовностью.

На основании анализа личности многочисленных его персонажей можно сделать заключение о широкой представленности в его творчестве всех основных личностных моделей. Наиболее подробно воплощены крайние варианты моделей — «объектная» и «субъектная», характеризующие личность с максимально пассивной и максимально активной жизненной позицией соответственно. Наиболее частые действующие лица: «человек-животное», «человек-автомат», «самореализатор», «влюбленный мечтатель», «делец», «разочарованный», «благородный чудак», «духовный человек». Редкость некоторых типов вполне согласуется с творческой манерой писателя, которому были чужды как иррациональность, безудержность страстей («самореализатор» с инстинктивной подоплекой; «мистик», избравший путь «к духовности без усилий»), так и подробное описание схем видения мира («мыслитель»). Редкость носителей деятельной жизненной позиции («труженик-муравей», «попрыгун») можно объяснить тем, что русский человек, с точки зрения Чехова, отличается, напротив, выраженной созерцательной позицией.

Писателем описаны преимущественно дисгармоничные варианты жизненного пути и потеря образа Божия, все безобразие человека, отошедшего от Бога, его «некрасивость», — вначале с юмором, а затем с нарастающей болью. В Чехиане — своеобразной «энциклопедии человеческой пошлости» — прекрасное видится как противоположность душевного уродства; то, что должно быть, — через отрицание того, что есть. Примерно в 95% произведений красота духовности утверждается отрицанием безобразия бездуховности. В драматургии Чехова представители духовного типа не встречаются вообще. Честные, интеллигентные, тонко чувствующие люди в его пьесах мучительно переживают пустоту и отсутствие смысла жизни, вплотную подходят к нему и останавливаются в преддверии.

Останавливаясь же на мимолетных проявлениях духовности или, тем более, раскрывая внутренний мир духовной личности, Чехов всякий раз подчеркивает красоту гармоничного и умиротворенного человека, освещенного кротостью, любовью и радостью.

Чехов — очень «таинственный» писатель, загадочность которого, как и потребность в разгадке, также привлекает внимание. Он может казаться как абсолютно «прозрачным», так и совершенно недоступным. Недаром часто говорится о скрытом философизме и косвенном психологизме писателя. Уровень прочтения может быть разным, и это очень заметно как по воспоминаниям современников, так и по нынешним научным изданиям. Для большей объективности нам постоянно приходилось обращаться к письмам и записным книжкам Чехова, к мемуарам о нем, а также сопоставлять различные точки зрения на его творчество. Проанализировано значительное количество произведений и персонажей Чехова, что также повышает объективность проделанной работы. Исключение составили некоторые рассказы и драматические этюды, стилизации, пародии, газетные фельетоны, а также первые варианты — ранние версии произведений [10].

Личность в творчестве Н. В. Гоголя

Н. В. Гоголь — родоначальник современной русской литературы, глубокий мыслитель, высокий образец личности художника. Его гениальность не сводится только к художественному творчеству. С не меньшей силой она проявилась в работе мысли, а также в его духовной

жизни, мечтах и планах преображения жизни. При всей яркости художественной картины, рисуемой Гоголем, она представляет собой только яркую реалистическую оболочку сложной темы о человеческой душе.

Многоплановость произведений, необычайное богатство тем и образов явились поводом к разным трактовкам творчества Гоголя. По сей день не прекращаются находки неизвестных рукописей Гоголя, что расширяет представления о нем, о его мировоззрении, и в то же время резко сужает возможности неадекватного истолкования. Проводя наше психологическое исследование, мы широко опирались на автобиографический материал Гоголя, по обширности которого Гоголь не сопоставим ни с одним писателем.

Гоголь был не только гениальным писателем и выдающимся мыслителем, но и замечательным человеком. Творческий путь Гоголя является символическим выражением его духовного пути по направлению от «внешнего» к «внутреннему» человеку. Его творчество само по себе является свидетельством ярко раскрывающейся в нем личности. В своих сочинениях он разные стороны своей личности передавал своим героям и, выводя их на чистую воду, явил миру самого себя. Духовная проза отражает зрелого Гоголя и высоту его внутреннего устроения.

Большей частью творчество Гоголя оценивалось с литературоведческих позиций, гораздо реже — с философских, и только в единичных случаях — с психологических, несмотря на то, что Гоголь — еще и великий психолог, в таком качестве пока не оцененный. Это может быть связано, помимо необходимости анализа мировоззренческих аспектов творчества, с трудностью выявления психологических закономерностей гоголевских героев в силу особенностей творческой манеры писателя, сжатой, образной, символичной формы изображения человека сродни живописной, когда необходимо приложить определенные усилия, чтобы выявить скрытый от поверхностного взгляда душевный рисунок. Такие трудности даже приводили иногда к мысли о том, что как психолог Гоголь не состоятелен.

Оригинальная концепция личности Гоголя, воплощенная в художественно-образной форме, в полной мере отражает его собственное внутреннее устроение и динамику в плане духовного развития. Варианты личности персонажей соотносятся с ведущей ценностной ориентацией, в соответствии с творческим замыслом самого Гоголя. Психологические типы личности у Гоголя соответствуют базовому делению человеческой активности на созерцательную и деятельную стороны, делению связей человека с миром на отношения к себе, к другим людям и к предметам, а также к полюсам духовности — «темной» и «светлой».

В произведениях Гоголя выделяются следующие типы: при ориентации персонажей на мировое зло — духовно неразборчивые, на материальные ценности — «приобретатели», на ценность покоя — «созерцатели», на ценность действия — «богатыри», на самоутверждение — «возвышающие себя», на другого человека — «любящие», на духовные ценности — подвижники. Каждый из типов раскрывается в персонажах с разным уровнем личностной зрелости. При этом отчетливо прослеживается связь уровня зрелости персонажа и творческого этапа Гоголя: его герои «росли» вместе с ним. На каждом уровне психологические типы приобретают свою специфику, что свидетельствует о широчайшем многообразии вариантов личности, увиденных великим писателем [11].

* * *

Чтение художественного текста — это диалог между автором и читателем. Е. Фарино [16] выделяет два способа интерпретации художественной литературы: учет предлагаемой автором концепции мира и собственного концептуального подхода. Личность автора сказывается в выборе темы, проблемы, идеи художественного текста, в персонажах, в языке, стиле, сюжете. Нас интересовали прежде всего персонажи — лица, значимые для автора, который интерпретирует их переживания и поведение сквозь призму собственного внутреннего мира.

В проведенном нами анализе личностных типов персонажей независимо от концепции писателя возможно выделение общепсихологических закономерностей многообразия личностного бытия, что и было реализовано нами в определении развернутой типологии личности, опирающейся на эмпирически выявленные ранее основания типологизации. Это, по Е. Фарино, второй способ интерпретации.

При анализе творчества А. П. Чехова осуществилось слияние научно-психологического подхода с художественно-образным благодаря близости «концепций мира» и понимания сути личности. В данном случае произошло объединение обоих указанных Е. Фарино способов интерпретации.

Наконец, при изучении творчества Н. В. Гоголя доминирует первый из отмеченных Е. Фарино способов интерпретации художественного текста, т. е. позиция самого Гоголя являлась исходной. Это стало возможным по той причине, что Гоголь очень много внимания уделил интерпретации собственных произведений и дал развернутые автокомментарии, сам подробно объяснил свои творческие замыслы и психологическую подоплеку своих героев. Поэтому наш собственный концептуальный подход выступил только в качестве вспомогательного.

Что касается дальнейших исследований в этой области, следует признать удобными для анализа крупномасштабные произведения, которые позволили бы понять, как личность изменяется с течением жизни, как проявляет себя в разных жизненных ситуациях, в частности, во взаимоотношениях с другими людьми. Можно пойти по пути изучения тех или иных жизненных ситуаций, представленных в художественных произведениях (при этом они не обязательно должны быть крупномасштабными). Задача при этом состоит в изучении внутреннего мира и поступков представителей разных психологических типов. Наконец, задача может заключаться в раскрытии психологических особенностей типа самого по себе. В этом случае для исследования необходимо остановить выбор на не очень крупном произведении. Желательно, чтобы в нем автор описывал лишь одну жизненную ситуацию, но зато достаточно подробно. Кроме того, желательно, чтобы в данном произведении (как правило, в повести или рассказе) был один главный герой — тот, кого мы и собираемся анализировать. Это позволит сосредоточить внимание на интересующем нас персонаже. Окружающие, сама по себе ситуация при этом отходят на второй план. Особое внимание следует уделить классической художественной литературе, где чаще можно встретить интуитивные гениальные прозрения относительно человеческой природы. Таким образом, нами пунктирно намечены возможные линии дальнейшего исследования типологии жизненных ориентаций на материале художественной литературы: поиск «объемных» жизненных образов представителей разных типов, выявление ряда их еще не познанных качеств, анализ становления или из-

менения типа, взаимодействие представителей разных типов. Кроме того, возможно изучение отдельных жизненных ситуаций и особенностей «проявления» в них искомых типов.

Психологическое изучение личности на материале художественной литературы имеет не только теоретическое значение для более глубокого понимания феномена личности, прежде всего, способов личностного бытия. Раскрытие данной темы имеет и важный практический аспект. В. В. Знаков [5] рассматривает формирование самопонимания через взаимодействия и изменения когнитивных саморепрезентаций и экзистенциального опыта, который субъект приобретает в различных жизненных ситуациях. В процессе самопонимания происходит соотнесение знаний о себе с ценностями, согласующимися с представлением о должном. Мы полагаем, что ярким образцом такого сочетания когнитивного и экзистенциального анализа своего внутреннего мира как раз и является осмысленное чтение художественной литературы. Согласно данным нашего опроса, сегодня более половины молодых людей ориентируются на жизненные идеалы в соответствии с любимыми героями художественной литературы. Поэтому опора на ее богатый опыт, отражающий систему ценностей человечества, предоставляет дополнительные возможности осознанного выбора собственной мировоззренческой позиции для человека постмодернизма, утратившего жизненные ориентиры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллахвердов В. М.* Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб.: Изд-во ДНК, 2001. 200 с.
2. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
3. *Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 344 с.
4. *Зинченко В. П.* Возможна ли поэтическая антропология? М.: Изд-во РОУ, 1994. 44 с.
5. *Знаков В. В.* Психология понимания. М.: ИП РАН, 2005. 448 с.
6. *Климов Е. А.* О психологическом знании в «Предисловии» к «Вечерам на хуторе...» Н. В. Гоголя // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 66–72.
7. *Коржова Е. Ю.* Психология личности: Типология теоретических моделей. СПб.: Институт практической психологии. 2004. 542 с.
8. *Коржова Е. Ю.* Путеводитель по жизненным ориентациям: Личность и ее жизненный путь в художественной литературе. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2004. 468 с.
9. *Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 384 с.
10. *Коржова Е. Ю.* Поиски прекрасного в человеке: Личность в творчестве А. П. Чехова. СПб.: Бионт, 2006. 504 с.
11. *Коржова Е. Ю.* Духовная лестница Н. В. Гоголя: Личность и творчество. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 615 с.
12. *Леонгард К.* Акцентуированные личности / Пер. с нем. М., 2002. 448 с.
13. *Мелик-Пашаев А. А.* Об источнике способности человека к художественному творчеству // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 76–82.
14. *Регуш Л. А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. 352 с.
15. *Теплов Б. М.* Заметки психолога при чтении художественной литературы // *Теплов Б. М.* Избранные труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1985. Т. 1. С. 306–312.
16. *Фарино Е.* Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
17. *Allport G.* Personality: A psychological interpretation. N. Y.: Holt, 1937. XIV. 588 p.

REFERENCES

1. *Allahverdov V. M.* Psihologija iskusstva. Esse o tajne emocional'nogo vozdejstvija hudozhest-vennyh proizvedenij. SPb., 2001. 200 s.
2. *Vasiljuk F. E.* Psihologija perezhivanija: Analiz preodolenija kriticheskih situacij. M., 1984. 200 s.
3. *Vygotskij L. S.* Psihologija iskusstva. M.: Pedagogika, 1987. 344 s.
4. *Zinchenko V. P.* Vozmozhna li poeticheskaja antropologija? M., 1994. 44 s.
5. *Znakov V. V.* Psihologija ponimanija. M., 2005. 448 s.
6. *Klimov E. A.* O psihologicheskom znanii v «Predislovii» k «Vecheram na hutore...» N. V. Gogolja // Voprosy psihologii. 2002. № 1. S. 66–72.
7. *Korjova E. Ju.* Psihologija lichnosti: Tipologija teoreticheskih modelej. SPb.: Institut prakticheskoj psihologii. 2004. 542 c.
8. *Korjova E. Ju.* Putevoditel' po zhiznennym orientacijam: Lichnost' i ee zhiznennyj put' v hudozhestvennoj literature. SPb.: Obshhestvo pamjati igumenii Taisii, 2004. 468 s.
9. *Korjova E. Ju.* Psihologija zhiznennyh orientacij cheloveka. SPb., 2006. 384 s.
10. *Korjova E. Ju.* Poiski prekrasnogo v cheloveke: Lichnost' v tvorchestve A. P. Chehova. SPb.: Biont, 2006. 504 s.
11. *Korzhova E. Ju.* Duhovnaja lestnica N. V. Gogolja: Lichnost' i tvorchestvo. SPb.: Obshhestvo pamjati igumenii Taisii, 2009. 615 s.
12. *Leongard K.* Akcentuirovannye lichnosti / Per. s nem. M., 2002. 448 s.
13. *Melik-Pashaev A. A.* Ob istochnike sposobnosti cheloveka k hudozhest-vennomu tvorchestvu // Voprosy psihologii. 1998. № 1. S. 76–82.
14. *Regush L. A.* Psihologija prognozirovanija: uspehi v poznanii budushhego. SPb.: Rech', 2003. 352 s.
15. *Teplov B. M.* Zametki psihologa pri chtenii hudozhestvennoj literatury // *Teplov B. M.* Izbrannye trudy: V 2 t. M.: Pedagogika, 1985. T. 1. S. 306–312.
16. *Farino E.* Vvedenie v literaturovedenie. SPb., 2004. 639 s.
17. *Allport G.* Personality: A psychological interpretation. N. Y.: Holt, 1937. XIV. 588 p.